

—

Линь Цзыкуй покачал головой, упрямо: «Я посижу здесь. Я не пойду. Ты тоже садись. У тебя ранена нога. Почему ты так много ходишь?»

«... О, точно, у меня ранена нога». Сяо Фу почти забыл. Он думал, что Линь Цзыкуй не хотел уходить, потому что был смущён, но оказалось, что он просто заботился о нём.

Он сел рядом с Линь Цзыкуем и нашёл его руку. Его большая, тёплая ладонь обхватила его: «Твоя рука снова такая холодная. Дай я её согрею».

Линь Цзыкуй, хотя он уже несколько раз держал его за руку, иногда обстоятельства складывались так, что он не мог отреагировать. Но сейчас он мог, и его дыхание участилось. Его сердце сильно колотилось.

Он смутно чувствовал богатый, но немного холодный аромат от Сяо Фу. Линь Цзыкуй медленно вынул свою руку из его. Сяо Фу опустил голову и посмотрел на его руку. Он не знал, что тот собирается делать, и его пальцы слегка приподнялись, немного колеблясь.

Сяо Фу не мог не спросить: «Ты даже не дашь мне согреть твою руку? Это тоже не по правилам?»

«Это не по правилам». Линь Цзыкуй был воспитан на книгах мудрецов, но он боялся огорчить госпожу Чжаолин, поэтому он, наоборот, взял его за кончики пальцев.

«Так будет лучше», — сказал Линь Цзыкуй.

Взгляд Сяо Фу остановился на его пальцах, и он рассмеялся. Сдержанность и нерешительность Линь Цзыкуя, наоборот, вызывали у него ещё большее желание.

Они не пошли никуда, а просто сидели на деревянной лестнице Зала Цинсинь. Мо Лю лежал наверху, наблюдая за своим господином и второй госпожой. Они сидели плечом к плечу на ступенях.

Линь Цзыкуй спросил: «Старейшина Сюэ... это премьер-министр Сюэ, верно?»

Сяо Фу: «Угу. Если он тебе не понравится, или ты считаешь его недостаточно умным, я найду тебе другого учителя».

Линь Цзыкуй подумал, что он шутит, так как он немного знал о его озорном характере. Но он всё ещё не мог скрыть своего шока: «Премьер-министр Сюэ, это действительно премьер-министр Сюэ. Он... вряд ли возьмёт меня в ученики».

«Он сейчас в отставке. У него нет должности. Он должен смеяться во сне, что у него появился такой талантливый и амбициозный ученик, как ты».

Линь Цзыкуй вдруг понял, что статус Сяо Чжаолин, кажется, был необычным. Он хотел спросить об этом раньше, но он знал, что не стоит жадничать до брака с влиятельной семьёй. Семья Сяо Чжаолин, безусловно, была более влиятельной, чем его, и он не мог найти подходящего момента, чтобы спросить.

Теперь он не мог сдержаться и спросил: «Чжаолин, я... никогда не спрашивал, где ты

живёшь?»

Сяо Фу знал, о чём он хочет спросить, и ответил: «Я из Юньнани. Я вырос в Юньнани. Так получилось, что мой отец знаком с премьер-министром Сюэ, и он специально отправил меня в Цзиньлин, чтобы я учился у него. К сожалению, я плохо учусь, и только раздражаю людей. Премьер-министр Сюэ не признал меня своим учеником, но мне всё равно. Если ты будешь учиться у него, я тоже смогу что-то почерпнуть».

«В Юньнани». Линь Цзыкуй подумал, что это довольно далеко. Если бы он хотел отвезти её домой, чтобы навестить семью, это заняло бы месяц.

Сяо Фу сказал: «Мои родители, мой дедушка, им всем очень нравятся учёные. Когда ты войдёшь в нашу семью, они обязательно тебя полюбят».

На самом деле, только его мать догадывалась о том, что Сяо Фу — обрезанный рукав.

Семь лет назад, когда он уехал из дома, принцесса Минхуа пыталась найти хороших невест для Сяо Фу, но безуспешно. Затем Сяо Фу был втянут в политические интриги, и вопрос о женитьбе был отложен.

Недавно, когда он вернулся домой, его мать хотела поговорить об этом, но Сяо Фу пошёл во дворец.

В тот день Сяо Фу привёз Линь Цзыкуя в резиденцию герцога Чанго и тщательно спрятал его. Его мать, вероятно, узнала что-то странное от придворного врача и спросила его: «Сяо Фу, ты теперь как эти знатные люди, держишь фаворитов?»

«Он не фаворит. Я собираюсь на нём жениться. Позже». Затем Сяо Фу перевёз его в резиденцию маркиза Динбэя. Принцесса Минхуа даже не увидела, как выглядит Линь Цзыкуй, и поспешила спросить придворного врача.

Сяо Фу уже давно отделился от семьи. Даже если бы его семья не поняла и осудила его, они ничего не могли с ним поделать, поэтому Сяо Фу никогда не учитывал их мнение.

Через некоторое время, пока они сидели на лестнице, премьер-министр Сюэ наконец вышел. Никто не знал, о чём они говорили, только Мо Лю видел, что у этого старика в очках было лицо, полное разочарования и печали, и в уголках его глаз были слезы.

Вытерев слезы рукавом, Лао Сюэ посмотрел на Мо Лю: «Я не заметил этого раньше. Когда ты стоишь, ты такого же роста, как когда сидишь. Как ты сказал, тебя зовут Линь Цзыкуй?»

Мо Лю: «.....»

Он был очень унижен: «Старый господин, я слуга. Я знаю, что я одного роста с моим господином, когда он сидит... потому что я ещё маленький. Мне будет тринадцать только после Нового года. Я вырасту».

Лао Сюэ поспешно поправил очки и на этот раз смог различить: «О, о! Я ошибся! Тогда, маленький слуга, где твой господин?»

«Старейшина Сюэ», — Линь Цзыкуй ходил за чаем. Он поднялся по лестнице с чашкой в руке, спросил Сяо Фу, где Лао Сюэ, и тут же опустился на колени, чтобы поклониться: «Позвольте ученику поклониться!»

«Встань, встань!» — премьер-министр Сюэ за всю свою жизнь принимал поклоны от бесчисленного множества людей. Иногда он встречал таких искренних и преданных учеников, как этот. Увидев его глаза, он вздохнул. Вспомнив разговор с даосом Цзэу, он решил всё же принять этого ученика. Он взял чашку чая: «Если ты хочешь стать моим учеником, я задам тебе только один вопрос. Какова разница между человеком и чиновником?»

Сяо Фу сердито взглянул на старика, который заставил Линь Цзыкуя стоять на коленях на холодной земле, но тот был уже слишком стар, чтобы заметить это.

Сяо Фу кашлянул.

Линь Цзыкуй подумал, что ему холодно, и его сердце сжалось. Он быстро ответил на вопрос Лао Сюэ: «Ученик считает, что человек должен быть как свеча, которая горит сама, чтобы осветить других. А чиновник должен быть как пушка, которая разрушает себя ради блага других».

Он сделал паузу и продолжил: «Нужно отстаивать справедливость для простолюдинов, сдерживать некомпетентных императоров и коварных чиновников, а также устранять беды и приносить пользу стране».

Лао Сюэ удовлетворённо кивнул: «Хорошо, хорошо!» Он наклонился и помог Линь Цзыкую встать: «Земля холодная, не нужно больше стоять на коленях. Я выпил твой чай».

Он выпил весь чай и перевернул чашку. Сердце Линь Цзыкуя бешено колотилось, и его глаза наполнились слезами: «Ученик давно восхищался учителем. Учитель, примите поклон!»

Сказав это, он снова опустился на колени. Снег пропитал его одежду, и Сяо Фу не мог больше на это смотреть. Он упрекающе посмотрел на Лао Сюэ.

На этот раз Лао Сюэ заметил это. Он тоже не хотел, чтобы Линь Цзыкуй был слишком вежливым: «Много вежливости — это вредно. Вставай. Запомни, в будущем не нужно так себя вести».

«Ученик запомнит».

Сяо Фу помог ему встать. Линь Цзыкуй чувствовал боль в коленях и холод, но он был так счастлив, что на мгновение забыл об этом.

Линь Цзыкуй и Лао Сюэ долго разговаривали. Сяо Фу, которому было скучно и который ничего не понимал, просто стоял в дверях и смотрел на Линь-лана.

Он действительно был учёным. Когда он говорил об учёбе, он словно оживал. Его спина была прямой, как сосна или бамбук. Это заставило Сяо Фу не отводить от него глаз.

Смеркалось, и солнце садилось.

Лао Сюэ сказал: «Я тоже из Хуайнаня. Где ты живёшь?»

«Ученик родом из уезда Фэнтай».

«О, о... Это недалеко. Тебе ещё нет восемнадцати».

Линь Цзыкуй: «Мне будет восемнадцать после Нового года».

Лао Сюэ: «Кто у тебя ещё есть из семьи?»

«Только... я и мой слуга». Он слегка опустил голову. «Мои родители... уже умерли».

Лао Сюэ вздохнул: «Ты женат?»

Сяо Фу поднял бровь.

«Женат...? Да». Линь Цзыкуй не знал, что Сяо Фу всё ещё стоит рядом, и думал, что он ушёл. «У ученика есть будущая жена, которая мне очень нравится. Это вторая госпожа Сяо».

Кто такая вторая госпожа Сяо, Лао Сюэ не сразу понял. Может быть, сестра Сяо Фу?

Ладно, он не стал спрашивать: «Как жаль, как жаль. У меня тоже есть внучка, примерно твоего возраста».

«Учитель, вы преувеличиваете», — он был немного смущён. «У ученика уже есть та, на которой он хочет жениться, и я не думаю о других. Я недостоин внучки премьер-министра».

«Раз у тебя уже есть невеста, я, конечно, не могу выдать за тебя свою внучку. То, что ты так предан, это хорошо».

Завтра Новый год, а сегодня вечером — новогодний ужин. Сяо Фу попросил, чтобы премьер-министра Сюэ и его семью отвезли домой, а в храме Синчжи устроил новогодний ужин. За столом было немного людей: Сяо Фу и трое его доверенных охранников, Линь Цзыкуй и его слуга.

Сяо Фу не любил есть, или, скорее, не хотел. Еда не имела для него вкуса, но всё, что ему давал Линь Цзыкуй, он съедал.

Сяо Фу хотел выпить вина, но Линь Цзыкуй не мог. Это было особое указание от третьего господина Се.

Все за столом напились, но Линь Цзыкуй не выпил ни капли. Однако его лицо было красным от света свечей.

«Персиковое вино, которое ты мне подарил, Линь-лан, я его оставил. Я закопал его во дворе, и мне жалко его пить».

Лицо Сяо Фу было немного пьяным, и его взгляд был пылким.

Он сказал: «Давай выпьем его, когда поженимся, хорошо?»

«Это всего лишь маленький кувшинчик вина. Чжаолин, ты можешь выпить его, когда захочешь... Выпить на свадьбе, тоже хорошо». Линь Цзыкуй был с повязкой на глазах, но он, казалось, чувствовал его пристальный взгляд. Его лицо ещё больше покраснело. «Почему все так напились...»

Это было императорское вино. Кроме Сяо Чжаолин, все не могли удержаться и перепили.

Сяо Фу слегка наклонился. Линь Цзыкуй почувствовал, как он наклоняется к нему, и вытянул руку, чтобы поддержать его: «Госпожа Чжаолин, я отведу тебя... в твою комнату, чтобы ты прилегла».

«Мм, хорошо». Сяо Фу не мог полностью опереться на него. Он давил только на одну-две части тела. Он был пьян только наполовину. Он повернул голову и увидел уши Линь-лана, такие же милые, как лепестки персика. Он открыл рот и укусил, зажав во рту.

Линь Цыкуй остановился. Ему было очень неловко. Он покачал головой: «Вторая госпожа, ты приняла мои уши за что-то вкусное?»

«Они вкусные, да. Ты не знаешь, для меня вся еда одинакова. Только ты...» — Сяо Фу не только укусил, но и лизнул мочку уха тёплым языком. Линь Цыкуй тут же потерял равновесие. Его ноги задрожали. Если бы Сяо Фу не поддерживал его, он бы упал.

Он никогда такого не испытывал. Он даже не мог говорить, а его дыхание стало прерывистым.

«Линь-лан снова смутился», — Сяо Фу открыл рот и отпустил его, увидев, что ухо, которое он укусил, стало влажным. «Ты видел сегодня внуку премьер-министра?»

«... Я... ты же знаешь, что я не вижу».

«Да, ты с повязкой на глазах. Тогда я тебе расскажу», — Сяо Фу был очень близко к нему. «Внука премьер-министра немного ниже тебя, милая и красивая, ни с чем не сравнимая. Женихи толпами ломятся к её дверям, но премьер-министр Сюэ не соглашается. Он не любит других, но любит тебя. Это означает, что у тебя есть и добродетель, и порядочность. Твоё сердце совсем не тронуло это? Ты предпочёл жениться на мне, а не стать зятем премьер-министра? Моя семья Сяо не так знаменита, как семья премьер-министра».

«Госпожа Чжаолин, ты пьяна», — Линь Цыкуй был немного беспомощен. Сейчас он едва мог стоять, но его ноги сильно дрожали. Его слова были прерывистыми, как биение сердца: «В моём сердце только ты. Мне не нужна ни дочь премьер-министра, ни принцесса. Они — луна в небе, а ты — звезда передо мной, снег в чашке... Давай, я отведу тебя на кровать отдохнуть».

Сяо Фу дважды рассмеялся. Его щёки были освещены светом свечей, и он казался очень довольным. Его пьяный голос сказал: «Если ты захочешь стать зятем премьер-министра, я убью его внуку».

Линь Цыкуй тут же сказал: «Ой! Госпожа Чжаолин, не говори так».

Он думал, что он говорит это спьяну, но Сяо Фу был сумасшедшим.

Линь Цыкуй наконец с трудом довёл его до кровати, следуя указаниям Сяо Фу. Сяо Фу слегка потянул его за руку и притянул к себе. Его грудь тяжело вздымалась. Шапка Линь Цыкуя упала, и он поспешил её поднять, но его рука наткнулась на грудь Сяо Фу, и ему пришлось остановиться. Он был смущён и испуган. Он сбивчиво извинялся за своё неуважение. Он даже не подозревал, что грудь у девушки совсем другая.

Руки Сяо Фу были крепко обхватили его. Его усталый и низкий голос сказал: «Я напоил и твоего слугу. Цыкуй, сегодня ты никуда не уйдёшь».

—